

Зимние рассказы

Наталья Лодойницyna

— Про жизнь —

Наталья Подойницына
ЗИМНИЕ РАССКАЗЫ

«Автор»

2026

Подойницына Н.

ЗИМНИЕ РАССКАЗЫ / Н. Подойницына — «Автор», 2026

Двенадцать новогодних историй — как двенадцать ударов курантов. Это истории о разбитых сердцах и нечаянных встречах, о семейных тайнах и смелых решениях. О том, как в самую “зимнюю стужу” найти в себе силы начать всё сначала и отыскать след к собственному счастью.

© Подойницына Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора:	5
КТО Я?	6
ЗИМНИЕ ЗАБАВЫ	9
ОБЕЩАНИЕ	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Наталья Подойницына

ЗИМНИЕ РАССКАЗЫ

Зима – не только время метелей и морозов, но и неожиданных сюрпризов. Это время, когда обнажаются чувства, обжигает одиночество и застывают старые обиды. Но это также – время тишины, в которой слышны самые важные мысли, время чистого снега, на котором так ясно виден след нового пути.

От автора:

В этой книге вас ждут двенадцать новогодних рассказов, словно двенадцать ударов курантов, отмеряющих шаги к самому сокровенному. Здесь вы найдете истории о разбитых сердцах и нечаянных встречах, о семейных тайнах и смелых решениях. О том, как найти себя, простить прошлое и не бояться начать всё сначала.

«Зимние рассказы» – это сборник о самом важном: о выборе, прощении и надежде, которая теплится даже в самую холодную ночь. Каждая история – это отдельный мир, но вместе они создают ту самую новогоднюю атмосферу, где грусть соседствует с ожиданием чуда. Где под пушистым снегом можно отыскать свое настоящее «я» и разглядеть, наконец, путь к собственному счастью.

КТО Я?

Как важно знать, что ничего не значишь,
Что будучи при всём, ты ни при чем
И душу превратил в открытый настежь
Гостиный Дом с потерянным ключом...

Стихи Владимира Леви для Алины были отдушиной. Известный психотерапевт – человек-любовь, поэт, писатель, книги которого она зачитывала до дыр, помогал ей в течение жизни познавать себя заново. Но сегодня, 2 января, даже это не помогало.

Алина стояла у окна и с девятого этажа рассматривала заснеженный город. Деревья в белых уборах были украшением зимнего дня. Что можно увидеть в городе второго января в три часа дня? Обычная праздничная суета. Новый год только начался. У детей каникулы. А взрослые все время спешат, даже если идут с детьми в кино или музей. Такой жизненный ритм в Москве.

Перед взором Алины раскинулись высотные здания, кинотеатр, автобусная остановка, вдали возвышались купола церкви. Обычная столичная жизнь, но в начале января – немного активнее...

Сегодня – день ее сорокалетия. Кто-нибудь помнит о ней? Из родственников – одна тетя Валя в деревне, уже старенькая. Да у нее и телефона-то нет. К соседям звонить ходит. Подруга Марина позванивает, когда может – она семейная, с мужем и тремя детьми. Если вспомнит – то только к вечеру.

Когда-то Алина мечтала о большой семье. Это и притянуло её к общительной Марине из соседнего подъезда. Позже, помогая ей с детьми, Алина поняла: нужно очень любить детей, чтобы тратить на них столько сил и времени. У неё это точно не получится. Не было в жизни такого опыта. Откуда взяться любви в одиноком сердце? Ведь она выросла в детдоме. Сколько помнила себя, всегда была тощей, болезненной и некрасивой. А таких не любят...

Окончив швейное училище, государство выделило ей комнату в коммуналке. О существовании родной тети узнала уже, став взрослой. Разыскала её. История, которую поведала Алине тетя, была обрывочна и страшна: случился пожар, ночная паника. Тогда тетя Валя думала, что не выжил никто, потому что не нашла Алину на улице – жила в соседнем доме тогда. Но оказалось, мать успела спасти двухлетнюю Алину, выбросив из окна первого этажа в сугроб, а сама не смогла выбраться...

Алина налила себе чай в красивую чашку и достала из холодильника любимое пирожное с розочками, какими угощали на Новый год в детском доме. И задумалась...

Она понимала, что не вписывается в общую картину жизни, чувствуя себя изгоем. Шить она тоже не очень любила. В поисках более интересного дела пробовала менять рабочие места и род деятельности. Но всегда что-то не устраивало. Всё было не то...

Не сложилась и личная жизнь. После двухлетнего брака с Игорем – наладчиком в швейном цехе – развелись. Он сказал ей на прощание, что она: «Совершенно неприспособленная к жизни – даже ребенка родить не смогла». После такого “удара” начала читать книги, пытаюсь понять секреты счастливых людей... Так она познакомилась с книгами Владимира Леви.

Вечером позвонила Марина: «Алин, прости, тысяча дел! С днем рождения! Приходи завтра в гости. Я пирог испеку». Но Алина сказала, что уезжает к тете. На самом деле она почувствовала, что ей надо побыть одной, хотелось разобраться в себе. Может, кризис среднего возраста?!

Она взяла потрепанный томик Леви. Прочла любимые стихи: «... и душу превратил в открытый настежь гостиный дом с потерянным ключом...». И вдруг мысль раскрылась по-новому: «А если ключ не потерян, его просто не было. И его нужно обрести?!»

В отчаянии и странной решимости она схватила старую тетрадь и вывела первую строчку: «КТО Я?» И ниже, мелко написала: «Я – та, которую забыли. Я – та, которая смотрит из окна. Я – та, кто не знает, зачем живет. Но я очень хочу узнать».

Она стала писать письма сначала себе – маленькой девочке из прошлого, потом – воображаемому другу. Она описывала детдомовский линолеум, холодный и блестящий, запах каши, злые слова в ее адрес. Свои обиды, стыд, страх. Вспомнила платье, которое подарили ей в четырнадцать лет в детдоме – из простой ситцевой ткани. Но оно было нарядным и новым. И тогда появилось желание шить, чтобы лучше выглядеть. Сейчас, описывая события своей жизни, она почувствовала такую же увлеченность – донести до незримого читателя ту простую истину, которую он, быть может, ждет. Это было то самое «свое дело», к которому она бессознательно искала дорогу всю жизнь. Появилась твердая убежденность, что она это сможет...

Через пару дней она поехала к тете Вале, чтобы поговорить о родителях.

Пожилая женщина обрадовалась ее приезду. «Расскажите все, что помните», – сказала Алина, разглядывая доброе, морщинистое лицо тети, пожелтевшие фотографии и листки в клеточку. «Твоя мама... была чудесным человеком, голос у нее был ангельский! А отец... птичек из щепочек вырезал». Алина смотрела на снимки: молодые, смеющиеся люди. На листках были стихи отца. Неровные, наивные, о любви, о жизни. Значит, любовь к слову была в ее крови. Ключ к себе, который она искала, начал обретать форму. Это был ее собственный ключ, выкованный из памяти и боли.

Вернувшись, она продолжила писать. Теперь ее взгляд обратился наружу. Как-то раз, думая над монологом продавщицы из булочной, она машинально взяла в руки отложенный рукав платья. Пальцы сами нашли движение: игла вверх-вниз. И пока шила, в голове возникли нужные строчки для истории.

Она стала замечать, что ее память работает, как швейная машина: ловко соединяя лоскуты впечатлений в единый узор. В это время она слышала голоса своих героев и потом записывала их истории. Из глубин памяти начали всплывать оброненные кем-то фразы, обретая новый смысл. Неожиданно пришло на ум признание Марины: «Алин, я тебе порой завидую. Ты свободна и можешь заниматься, чем хочешь».

Теперь её одиночество стало пространством, наполненным голосами.

Придя в гости к Марине, Алина показала свои рассказы. Они понравились подруге, и по ее совету она завела анонимный блог: «Гостиный дом с открытой дверью». Выкладывала свои зарисовки и общалась с читателями, которые начали активно ей писать: «Вы описали мою бабушку», «Я думал, я один такой», «Спасибо, вы дали мне надежду». Ее слова, рожденные из одиночества, стали мостами.

Однажды в личные сообщения пришло письмо от редактора небольшого литературного альманаха. Ее зарисовка о детдомовской девочке, считающей облака, попала в поле его зрения. «У вас пронзительный дар. Напишите рассказ?»

Паника сдавила горло: «Я же не писатель! Я швея!». Взгляд упал на коробку с нитками, где каждый моток был памятью. И тут её осенило: писательство – тот же навык, что и в шитье: терпение, внимание к деталям, умение собрать разрозненное в целое. Она вспомнила, как годами искала «свое дело», пробовала, бросала... и все это время бессознательно собирала лоскуты опыта, цвета эмоций, узоры сюжетов. Писательство и было тем самым шитьем – шитьем смыслов из ткани жизни. Той самой работой, к которой она интуитивно тянулась.

Прошло три года. В небольшом издательстве вышла книга Алины «Шить тишину». Тоненький сборник рассказов-зарисовок. Её пригласили на встречу с читателями в местную библиотеку. Она волновалась, стоя у стеллажей, но когда увидела заинтересованные лица – внимательные, ждущие, – страх отступил. Она говорила не о сюжетах, а о том, как найти свой ключ. Как шить жизнь из того, что есть.

После к ней подошла хрупкая девушка в очках: «Ваша книга... она помогла мне простить родителей. Спасибо, что вы есть».

Вернувшись домой, Алина подошла к своему любимому окну. Но теперь она видела всё иначе. В каждом окне – своя история. В каждом спешащем человеке – целый мир. Она не была больше одиноким островом. Она была частью чего-то большого. Она обрела огромную, незримую семью человеческих душ, связанных тонкой, но прочной нитью понимания. Она нашла тот дом, дверь которого открыта для тех, кто ищет тепла.

За окном, в темно-синем небе, зажигались звезды. И в тишине собственной квартиры ей уже не было одиноко. А строки Владимира Леви, которые раньше были лишь красивым утешением, прозвучали внутри как простая и ясная правда о её новой жизни. Они обернулись нужным ответом:

Мы в мире не одни. Вселенная плывет
Сквозь мрак и пустоту, – и как ни назови,
Нас кто-то угадал – Вселенная живет,
Вселенная летит со скоростью любви...

И теперь её собственная жизнь стала той Вселенной, что летит вперед, наполняясь смыслом!

ЗИМНИЕ ЗАБАВЫ

Двадцать девятого декабря Степан возвращался из гаража домой...

Встреча с друзьями накануне Нового года – дело святое: встретиться, поговорить о главном в уходящем году. Так у них повелось. По словам самого авторитетного, Василия Ивановича, это был лучший день для подведения итогов.

– Пора по домам! – скомандовал Василий Иванович, и компания дружно потянулась к своим пятиэтажкам.

Не успел Степан опомниться, как остался один у темного ряда гаражей. Телефон он отключил еще днем – чтобы жена не беспокоила по пустякам. Время позднее, автобусы уже не ходили, такси ловить было бесполезно. Решил идти напрямик, через лесопосадку. Он-то жил на самой окраине города.

Только зашёл под сень голых, заиндевевших деревьев, как впереди мелькнула женская фигура в белом. Девушка в пушистой шубке и шапке шла по дорожке, звонко смеясь. «Снегурочка», – подумал он с улыбкой. – Чудеса под Новый год. Надо познакомиться! Он ускорил шаг, намереваясь ее догнать. Но неловко споткнулся о корень, торчащий из-под снега, потерял равновесие и упал, приложившись головой о дерево. В глазах потемнело, сознание поплыло...

...Десятилетний Степка обожал кататься с горы. Бывало, приедет к бабушке в деревню на каникулы – и пропадает на косогоре с ватагой ребятишек. Бабушка придёт за ним, постоит, покричит издалека: «Степка-а-а!», а он прячется за снежной крепостью, не хочет идти домой. Она махнет рукой и уходит...

Степан очнулся, но не мог пошевелиться. Не понимал, где он. А в это время две подруги, Аня и Марина, возвращались с зимней прогулки по парку, звонко смеясь. Увидев лежащего мужчину, девушки подошли к нему. Почувствовали резкий запах алкоголя.

– Напился, бедолага, – шепнула Аня. – Может, замерз? Надо вызвать скорую.

– Не трогай его! – резко остановила Марина, и её голос стал жёстким. – Мой отец был таким же. Вечно приходил пьяным, орал на маму, унижал ее и руки распускал. А утром делал вид, что ничего не произошло. Мама всю жизнь его боялась и плакала украдкой, пока тот не упился до чертиков. Пусть хоть этот почувствует, каково это – быть беспомощным и беззащитным. Может, пить бросит...

Марина заметила телефон, выпавший из кармана, и откинула его ногой в глубокий сугроб. Без связи он не сможет вызвать своих собутыльников и поспешит домой. Она схватила горсть снега и начала приводить пьяницу в чувства, натирая холодным снегом лицо. Тот недовольно ворча, зашевелился, пришел в себя. Марина быстро встала и потянула за собой ошеломленную Аню.

Степан почувствовал пронизывающий холод. Будто кто-то вылил за шиворот ледяную воду: дрожал мелкой дрожью, зубы стучали. Медленно подполз к дереву и кое-как поднялся. В голове прояснилось, как будто его окунули в прорубь. Глянул вокруг. Тишина мёртвая, никого. Только он один стоит на краю лесопосадки, посреди сугробов. Но ведь была же Снегурочка? Или почудилось? «Как меня угораздило так напиться?» – подумал он и начал искать телефон

по карманам, чтобы позвонить жене – позвать на помощь. Но телефона не оказалось. Паника, острая и животная, сжала горло. Надо бежать домой, пока совсем не замерз! На улице, чувствовалось, под минус двадцать... Сориентировался, в какой стороне его дом, и побежал, подскользываясь, падая в снег. Не помнил, как добежал...

Степан тогда отделался небольшой простудой и лёгким испугом. Но твердо решил, что больше не будет выпивать вечером у гаражей со знакомыми. Те-то живут рядом, а ему далеко добираться одному через лесопосадку. Лучше уж в баню к куму ходить. Тепло, уютно и безопасно.

Так и сделал. В первых числах Нового года сидят они с кумом в бане, парятся, по кружечке пива опрокидывают. В самый разгар веселья скрипнула дверь. На пороге, в клубах пара, возникла девушка в белой меховой шапке и шубке – кум пригласил массажистку.

– Сюрприз! – весело гаркнул кум. А девушка рассмеялась – тем самым звонким, узнаваемым до мурашек смехом.

А Степану привиделась та самая Снегурочка. “Надо бежать!” – мелькнуло в голове у Степана. Сердце его бешено заколотилось, перехватило дыхание. Не помня себя, он вскочил и выбежал на мороз – в чем мать родила. Кум догнал его у калитки. Ничего не понял, только головой качал: «Допился, видать, до чертиков...»

Позже он объяснил жене Степана, что надо бы полечить его от пьянства.

Та только вздохнула устало:

– Пробовали уже. Только не помогло. Хорошо ещё, тихий, не буянит...

Кум только вздохнул:

– Ну да, ну да...

Минул год. Степан почти забыл о том зимнем приключении, списав все на тяжелый похмельный бред. Пока однажды, 31 декабря, выйдя из магазина с бутылкой водки, он не услышал за спиной звонкий, знакомый до мурашек смех. Он даже не обернулся, лишь замер. Бутылка выскользнула из рук и разбилась. А он со всех ног пустился бежать...

Но, добежав до угла, вдруг остановился. “Да что же это такое? – подумал Степан, глядя на свои трясущиеся руки. – Надо бросать пить – кум предупреждал...”

Проснувшись 1 января с трезвой головой, вдруг осознал, что не хочет больше пить спиртное. Жене сообщил об этом. Валюша обрадовалась, поддержала решение мужа, со вкусом рассказывая, как изменится их жизнь в лучшую сторону. Купили абонемент годовой в спортзал, и вместе начали ходить на тренировки. В бассейн – по выходным дням. Степан почувствовал себя другим человеком – здоровым, сильным, жизнерадостным!

А еще у него появилась новая традиция под Новый год: 31 декабря он покупал красивую коробку конфет. Выходил на перекресток у лесопосадки, клал коробку на лавочку и уходил.

Степану приятно было думать, что Снегурочка отвела его от алкоголя. А коробка конфет – благодарность ей. Бабушка в детстве рассказывала, что Дед Мороз со Снегурочкой являются человеку накануне Нового года, когда нужна срочная помощь. А может, и правда?!

И жена Валюша рада-радешенка такой перемене в семье.

Мир да лад теперь в доме!

ОБЕЩАНИЕ

Человек отгородился от мира не забором, а временем...

А время в доме Петра текло иначе. Оно измерялось не часами, а сезонами: по тому, как оттаивал ручей, как желтела листва на берёзе перед окном, как ложился первый снег на старую крышу. Он ушел в эту глушь не от людей, а к чему-то единственно возможному.

Трагедия, случившаяся семь зим назад, выжгла в нем все, что было правильным и привычным. В тот год лютый мороз сковал город, а в его собственной жизни случился пожар – стремительная болезнь забрала жену Аню. Они давно мечтали уехать из города, копили деньги на домик у леса. И вот он остался один: с невыполненным обещанием и оглушительной тишиной в четырёх стенах их квартиры. Детей у них не было. Думали, что успеется, молодые еще...

Городской гул, смех чужих людей, даже вид счастливых пар в парке – все это стало для него невыносимой пыткой. Петр продал все, что напоминало о прежней жизни, и уехал в этот заброшенный лесной мир – чтобы наконец выполнить обещание.

Морозный воздух струился в избу через открытую форточку, смешиваясь с запахом хвои, старого бревенчатого дерева и... подтаявшего сливочного масла на подоконнике. Рядом стояла недопитая бутылка – скорая помощь в самые «темные» ночи, когда память становилась острее ножа. Но чаще он согревался чаем, наблюдая за жизнью леса через стекло. Окно в мир было его картиной, а звери и птицы – вечно меняющимися героями.

Вот синица, самая смелая, уже деловито клюет крошки с кормушки. За ней, робея, зависают две другие. А на краю рамы, аккуратно сложив лапки, сидит белка, поглядывая на хозяйина, который замер на стуле, боясь ее спугнуть. Он знал эту бельчиху – рыжую с белым пятнышком на одном ухе – она приходила уже третью зиму. А на ветке старой ели неподалёку, словно чёрно-белый часовой, сидит сорока. Всё видит, всё знает, но молчит. Но Полкан, выбежав на прогулку, спугнул недовольную лаем птицу, и вернулся в дом победителем.

Гости исчезли, Петр закрыл форточку, подкинул дровишек в печку и достал с полки толстую тетрадь, чтобы внести сегодняшнее наблюдение: «23 декабря. Синицы прилетели, как обычно. Бельчиха осмелела и заглянула в открытую форточку. Молчаливая сорока вдруг начала кричать на лающего Полкана, который выбежал на улицу. Вполне понятное противостояние...»

Потом, долгими вечерами, эти записи оживали в акварели. Когда-то в детстве он посещал художественную школу. Не закончил, но кое-что руки помнили. Он начал рисовать то, что видел: синицу, сороку, следы на снегу. И однажды, закончив портрет рыжей белки, он вдруг осознал: Аня, наверное, была бы рада видеть эти картины и жить здесь – в тишине леса, о которой они мечтали.

Когда-то он думал, что одиночество – это пустота. Но здесь он открыл его иную суть. Его одиночество было наполнено. Прогулками с верным псом Полканом по лесу, диалогом с птицами, доверчивым взглядом лесных зверей. Он не был один – он был частью этого огромного, живого дома под названием «лес». Он стал его случайным хранителем, а лес стал его тихим целителем.

Он поправил плед на плечах, сделал глоток уже остывшего чая и снова посмотрел в окно. Заснеженный лес в наступающей ночи казался удивительно прекрасным, завораживающим. Петр был частью этого заколдованного царства, его молчаливым стражем. И в этом волшебном одиночестве, где природа научила принимать неизбежное прошлое, а будущее казалось таким простым и естественным, как круговорот сезонов, он обрел то, чего так отчаянно искал – не забвение, а покой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.